

ВОЗМУЩЕННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ, ИЛИ О МОРТАЛЬНОМ ПОДТЕКСТЕ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

THE OUTRAGED READER, OR ABOUT THE MORTAL SUBTEXT OF "EUGENE ONEGIN"

M. Dudareva

Summary. The article attempts to revise the last stanzas of the novel in verses by A. S. Pushkin "Eugene Onegin" in the mortal context of world culture. Some scholars, literary critics and cultural scientists insist that Tatyana dies at the end of the novel. We develop this hypothesis by referring to the Pushkin artistic formula of the "magic crystal" and the state of sleep, which allow us to raise the question of the use of aura and areret lighting in a work. The Schlegel brothers also wrote about this artistic device of the play of light and shadow, near and far lighting of objects, with lectures of which, by antiquity, Pushkin was familiar. Turning to two dreams in the novel (by Tatyana and the author) and drawing parallels with the folkloric genre of fading allows us to take a different look at the result of Tatyana's path and reconstruct the mortal subtext.

Keywords: Russian traditional culture, image, dream, literature, mortal subtext, "another kingdom".

Дударева Марианна Андреевна

К.ф.н., старший преподаватель, Российский университет дружбы народов
marianna.galieva@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка пересмотреть последние строфы романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в мортальном контексте мировой культуры. Некоторые исследователи, литературоведы и культурологи настаивают на том, что Татьяна в конце романа умирает. Эту гипотезу развиваем, обращаясь к пушкинской художественной формуле «магического кристалла» и состояния сна, которая позволяет поставить вопрос об использовании аурного и аретного освещения в произведении. Об этом художественном приеме игры света и тени, ближнего и дальнего освещения предметов писали еще братья Шлегель, с лекциями которых по античности был знаком Пушкин. Обращение к двум снам в романе (Татьянининому и автора) и проведение параллелей с фольклорным жанром обмирания позволяют иначе взглянуть и на итог пути Татьяны, реконструировать мортальный подтекст.

Ключевые слова: русская традиционная культура, образ, сон, литература, мортальный подтекст, «иное царство».

В пушкинском романе в стихах «Евгений Онегин» во многом переломным моментом в отношениях между героями становится гибель Ленского на дуэли, которая кажется единственным танатологическим событием в произведении. Однако некоторые исследователи полагают, что смерть духовного «брата» Татьяны не единственная в романе и за ней следует смерть самой Татьяны [4; С. 168], и приводят эту строфу:

*Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован.
А та, с которой образован
Татьяны милый идеал...
О много, много рок отъял!
Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала, полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.* [6; т. 5, С. 163–164]

Так, В.П. Океанский и Ж.Л. Океанская, обращаясь к последней строфе, последовательно доказывают, что

«рок отъял» у нас и Татьяну: «Речь по сути и идет у Пушкина о смерти (более того — блаженной кончине!) главной героини и ее идеального прототипа, сливающихся за "посюсторонними" пределами жизненного "романа" и даже ранее того — за пределами пушкинского текста...» [3; С. 169]. Это вполне справедливая гипотеза, и действительно, за пределами пушкинского текста, именно этого текста романа в стихах, мы найдем подтверждение тому, что Татьяна умирает. Пушкин странным образом *умертвляет* многих своих любимых героев. И читатели романа в стихах, друзья Людмилы и Руслана (именно так по-дружески автор обращается к открывшим новый роман), находят, что в поэме-сказке Людмила постоянно обмирает, пребывая на грани яви и сна:

*«Где ж милый, — шепчет, — где супруг?»
Зовет и помертвела вдруг.* [6; т. 4, С. 27]

Состояние обмирания обнаруживаем в жанре былички, где рассказывается о встрече человека с *потусторонним*. Именно так, через сон (иногда намеренный, человека укладывали спать), осуществляется контакт с «тем светом». Сон, по фольклорным славянским представлениям, приравнивается к иномирному путешествию, временной смерти [8]. Не так ли поступает Пушкин с героями сказок?

Например, в сказке с характерным названием «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» молодая прекрасная царевна, жизнь которой, кажется, светло проходит в богатырском тереме, умирает, вернее, засыпает:

*Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.* [6; т. 4, С. 353]

Хоронить богатыри царевну передумали, как будто знали, что она не умерла, а обмерла, находясь временно в царстве сна. И, как ни странно, именно этот сон является поворотным в ее судьбе: царевну ищет и находит царевич Елисей, который выносит героиню на свет божий из глубокой норы, тьмы:

*Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встает она из гроба...
Ах! и зарыдали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тьмы несет,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубят уже молва:
Дочка царская жива!* [6; т. 4, С. 356]

Таким образом, осуществляется прорыв от тьмы к свету, прерывается сон царевны, и она возрождается в новом качестве. Важно то, что сказка именно о мертвой царевне, а не о спящей. Значит, для автора важно это состояние временной смерти, за которым следует возрождение в новом качестве (в фольклоре есть мотив смерти — космического вознесения).

Временно выпадают из линейного времени и герои «Сказки о царе Салтане» — младенец, в статусе *неведомой зверушки*, и его мать. Их отправляют в засмоленной, наглухо закрытой бочке в неизвестное путешествие по морю:

*В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.* [6; т. 4, С. 316]

Бочка в этом случае олицетворяет топос, потенциально связанный с «тем светом», да и матушку с ненужным приплодом буквально решили умертвить, закрыв в бочке. Однако путешествие, которое можно приравнять к временной смерти, разрешается иначе: царевич вырастает и получает полноценное имя Гвидон, причем на острове, священной земле. Этот акт имянаречения сакрален и свидетельствует о духовном росте героя, он возрождается в новом качестве, преодолев пространство смерти (здесь *окиян*). Кроме того, в русском фольклоре культурный герой путешествует в теле рыбы, что может указывать на поглощение зверем-тотемом [5; С. 316]. Бочка в *ритуальном контексте* сказки приравнивается к рыбе, поскольку тоже является закрытой моделью, и с помощью нее герой отправляется в «иное царство». Наконец, в сон погружается и «милый идеал» Татьяна. Интересно замечание С.Г. Бочарова о поэтике пушкинских снов: сны делятся на объявленные (мы знаем, что сейчас начнется сон) и необъявленные [1; С. 205]. К первому типу, например, ученый относит сон Татьяны. Но особенность его, на наш взгляд, еще и в том, что героиню автор намеренно укладывает спать:

*Татьяна, по совету няни
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала в бане
На два прибора стол накрыть;
Но стало страшно вдруг Татьяне...
И я — при мысли о Светлане
Мне стало страшно — так и быть...
С Татьяной нам не ворожить.
Татьяна поясок шелковый
Сняла, разделась и в постель
Легла. Над нею вьется Лель,
А под подушкою пуховой
Девичье зеркало лежит.
Утихло все. Татьяна спит.* [6; т. 5, С. 89–90]

Сон Татьяны вообще мог не состояться, поскольку она собиралась гадать, узнавать свою судьбу магическим способом, но *почему-то* автор решает иначе — отправляет героиню спать, а не ворожить. Кроме того, этот сон не просто вещий, он напоминает *иномирное* путешествие, на что указывает и семантически напряженный жест — снятие пояса шелкового, защищающего и ограждающего хозяйку от действий сил «того света». Однако это не единственный сон в романе. Перед заключительной строфой, к которой обращаются исследователи в связи со смертью Татьяны, идет еще одна, не менее интересная:

*Прости ж и ты, мой спутник странный,
И ты, мой верный идеал,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый труд. Я с вами знал*

*Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни в бурях света,
Беседу сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал. [б; т. 5, С. 163]*

Над строчками о «магическом кристалле» размышляли многие, и возводя их непосредственно к бытовому магическому предмету, гадальному шару, и видя за ними глубокий философский смысл, связанный с перспективой развития событий в романе. Наверное, истина где-то посередине: «магическим кристаллом», через который преломляется авторское видение, является *аурный* способ освещения действительности, который позволяет разглядеть, где даль, где близь. О таком способе видения действительности Пушкин мог знать из лекций по античности братьев Шлегель. По справедливому замечанию Ю. С. Сорокина, трактовка «магического кристалла» как гадального предмета узка, и речь идет все-таки о далекой перспективе и *магическом освеще-*

нии в трагедии, которые как прием использовал и Пушкин [7]. Таким образом, в романе можно разглядеть все от мелочей, быта народной жизни, до внутренних перипетий в судьбах. Даль дает перспективу, но важно то, что самому автору главные герои явились словно в смутном сне. Это состояние, по законам фольклорной логики, похоже на состояние обмирания, когда человек, впадающий произвольно или непроизвольно в сон, получает откровение, контактирует с «тем светом». Два героя, Онегин и Татьяна, исчезают, когда сон заканчивается. Татьяна умирает как бы с пробуждением автора. Она даже должна умереть, чтобы сохранить идеал, быть всегда недостижимой. Здесь во многом точен Г. Д. Гачев, указывающий на невоплощенный характер любви, эроса в романе [2; С. 164]. Именно такой и должна быть эта любовь между героями, тогда она будет иметь надмирный высокий модус. Кроме того, состояние временного сна (и автора, и героя) дает *перспективу* в развитии, в росте над самим собой. Именно такой путь проделывает и сам Пушкин от «Людмилы и Руслана» до «Евгения Онегина». В основе любого *инициационного* пути лежит моральное событие, и как бы нас, читателей, ни возмущал печальный конец, уход Татьяны, мы должны понимать, что это вполне закономерно и сообразно ритуальной логике текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров С. Г. О смысле «Гробовщика» (К проблеме интерпретации произведения) // Контекст. Литературно-теоретические исследования. — М.: Наука, 1974. — С. 196–230.
2. Гачев Г. Д. Русский эрос. «Роман мысли с жизнью». — М.: Интерпринт, 1994.
3. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. «Евгений Онегин» в культурно-цивилизационной динамике [Электронный ресурс] // Никоновские чтения: сб. науч. ст. по материалам III Всероссийского (с международным участием) культурологического форума «Никоновские чтения» (в память о Заслуженном работнике образования ЧР Г. Л. Никоновой) / под ред. А. В. Никитиной. — Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2018. — С. 169–173.
4. Позов А. С. Метафизика Пушкина. — М.: Наследие, 1998.
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
6. Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. — Л.: Наука, 1977, 1978. — Т. 4, 5.
7. Сорокин Ю. С. «Магический кристалл» в «Евгении Онегине» // Пушкин. Исследования и материалы. — Л.: Наука, 1986. — С. 337–340.
8. Толстой Н. И. Народные толкования снов и их мифологическая основа // Очерки славянского язычества. — М.: Индрик, 2003. — С. 303–310.

© Дударева Марианна Андреевна (marianna.galieva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»